

Сегодня. - 1996. - 12 мая. - с. 10.

Вы в канаву упадете,
Вы утонете в болоте,
Не ходите, погодите,
воротитесь домой.
(К. Чуковский)

Денис Горелов
Палисад

В школе Дмитрий Радывшевский хотел стать режиссером. Но потом решил, что собкор «Московских новостей» в Нью-Йорке — это тоже неплохо. Отлично, что «Новости» придерживались такого же мнения.

Впрочем, и на Гудзоне Мите больше хотелось делать кино, чем писать репортажи об инициативах США в Боснии и республиканских видах на Капитолийский холм. Причем, как и всякому авантюристу, славы домкиношного буфета ему было мало. Хотелось мирового господства.

Нужен был Голливуд. Для Голливуда нужно было знать правду о жизни в своей стране.

В Нью-Йорке он узнал, что любой заграничный собкор, в том числе и он сам, — шпион КГБ. Что все как одна русские барышники — сексапильные блондинки с бокалом, обвивающей ногой и разрезом до копчика (неважно, сверху или снизу). Что Россия стоит на трех китах, а люди там с песьими головами, особенно в Сибири. Он бегло, за пару центов ознакомился с принципом действия ядерных боеголовок «СС-20», стратегическими планами советского генштаба и кратким курсом русской истории издательства «Бенц и сыновья». Иван Грозный убивает своего сына. Григорий Распутин закладывает во глубине сибирских руд ликеро-водочный завод. Виктор Суворов переходит через Альпы и создает бессмертную рок-оперу «Аквариум», о которой высоко отзываются томящиеся в ссылке Достоевский и Никита Михалков.

Это было важным открытием начинающего беллетриста. Начинаящему необходимо твердо помнить, что Пушкин для среднего гамщика — такая же кичуха, как и резидент ГРУ Папакарлофф, схваченный на траверзе Бангалора с передатчиком за щекой. Это никакой не поэт. Это приключенный к царю негр, который соблазнил русских дворянских девиц, за что его потом убили национально ориентированные офицеры. Русская ФБР стояла на ушах, но никого не нашла. Царь осерчал и повесил пятерых нагад, за что его в 1917 году свергли и расстреляли на глазах молодого Ельцина. Что его глубоко перепало и не могло не привести в стан борцов с коммунизмом.

Вот кто такой Пушкин и какова его роль. Очень большая. Поэт в России больше, чем поэт.

Однако молодой славист понимал, что из одной энциклопедии русского комикса хорошей каши не сварить. Современная российская жизнь была во сто крат круче любой ядерной фантазии Флеминга. Уж кому-кому, а человеку, державшему в «Новостях» темы оружейной торговли и армейских безобразий, взявшему в Нью-Йорке пятичасовое интервью у Иванькова-Японца, это было прекрасно известно. В кинематографе ежедневных бандитских стычек, в грохоте гвардейских минометов, в сладком омуте карих глазенок и густом тумане художественного вранья никакой фантазии не требуется. Нужен протокол. Поэтому прозу в России

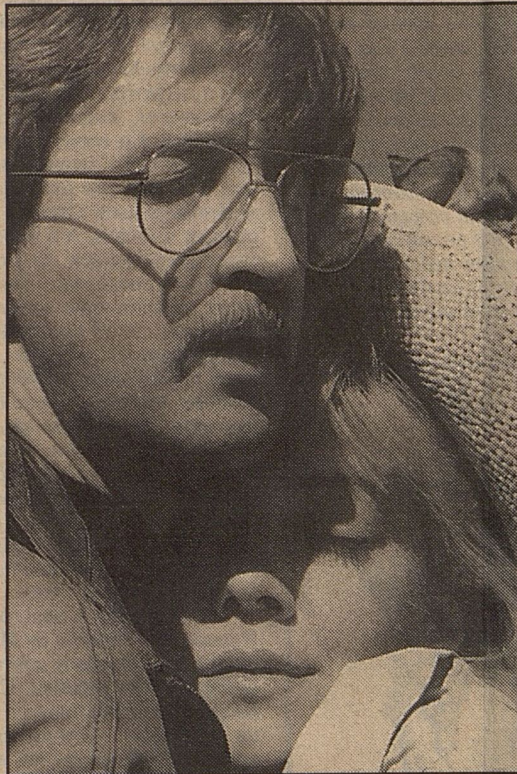
стали писать репортеры — приняв с утра таблетку от бодуна, которую рекламирует по телевизору актер Семен Фурман, сыгравший за последние пять лет психиатра, главаря мафии, императора Нерона и вождя мирового пролетариата В. И. Ульянова-Ленина.

Так родился роман «Русские страхи». В городе Нью-Йорке. В

В буферном обществе идет постоянная рокировка ценностей. Вот уже на победном параде суворовцев и политработников задвинули в хвост. Зато в ожидании лета в киосках «Роспечати» появилась газета «Завтра». «А в доме Троекуровых Мария у окна, красивая и юная, за старца отдана», — возвращается к истокам певец Юлиан. Сегодняшний наш выпуск — о ценностях, национальных, материальных, вечных и сиюминутных. Все ценности разом объять не удалось, поэтому продолжение следует.

Д. Г., товаровед

Шпион-шпион, а почему у тебя такие большие глаза? Потому что мы в России, дура!

ХУДОЖНИКИ МАССКУЛЬТА РАЗНООБРАЗИЕМ НЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЯЮТ. СЛЕВА — ОБЛОЖКА РОМАНА «РУССКИЕ СТРАХИ». СПРАВА — ПОСТЕР ФИЛЬМА «МОСКОВСКИЕ КАНИКУЛЫ». НАЙДИТЕ ДЕСЯТЬ РАЗЛИЧИЙ

скромной квартирке со стоячей ванной. В блокноте с надписью «Московские новости». А точнее — «Moscow News».

Сюжет. Жадный до приключений университетский мышонок Джошуа Шайнкете покупает авантурный тур в Москву, чтобы до дна постичь русское счастье в объятиях красоток и объективах спецслужб. К его услугам полный ассортимент российских кошмаров — метро, собор, мавзолей, пограничники, — представленный игровым турагентством «KGB-travel». Вместо этого Джош, подобно экзальтированному скрипачу Франсуа Перрену и прочим героям Пьера Ришара, тут же попадает в свирепую войну разведок и бандгрупп, в которой никто его за дурака в польском преферансе не держит, а держат, напротив, за суперагента в солнцезащитных очках, снятого с длительной консервации под псевдонимом «друк». А ему и горя мало. Он ни за что не хочет понять, что его перепутали и что пули над ним летают настоящие, и скелеты в подземельях не бутафорские, и лежащие под него горничные работают не в компании «Русская страсть», а совсем в другом ведомстве. Помимо блондина в желтом ботинке, за ним железной стеной стоят Великобритания, Фредди, который бил первым, и директор детского сада Сан Саныч Забабайкин, засланный в глубокий бандитский тыл под псевдонимом Доцент.

Меж тем все разведки злые до неприличия. Московская резидентура ЦРУ только что провалила операцию по вычислению но-

вых ракетных баз: наспигованный дозиметрической аппаратурой состав с телевизорами «Sharp» из Владивостока был под метлу ограблен путевыми обходчиками на перегоне Выкса — Гнилохонск. Лидеру организованного бандитизма по кличке Чехов грозит утеря концессий, и он привлекает на свою сторону дружественных боевиков суверенного Чучмекстана, которые ввиду долгой жизни в России выпвели добела и стали все как один голубоглазыми блондинами. Директор Федеральной управы контрразведки ФУК (б. КГБ) генерал Гандура растревожен подозрительной активностью начальника ГРУ генерала Грушина, который давно замыслил скомпрометировать президента счетами мафии, оживить Ленина и устроить мировой Бейрут.

Под это дело горят «мерседесы» и летят за борт наркотики, бизнесмены покупают освобожденные места у Кремлевской стены, а Дума празднует август — одни штурм, а другие оборону Белого дома. Цыгане, прыгая по-реперски, поют камаринского, ясновидящие предсказывают результаты выборов и ищут по карте тайные базы чучмекских партизан, главные гэбэшники кроют друг друга цитатами из Ницше и Маккиавелли, а ЦРУ из политкорректности засылает в московскую резидентуру негра, которого вместо того, чтоб разоблачить, немедленно принимают за нигерийского наркоторговца. Все это сдобрено кучей цитат из Нагибина, Суворова, Экклезиаста, Солженицына, Толстого, Бродского, Марио Пьюзо, Джона Ле Карре и

протоколов сионских мудрецов, а также фильмов «Ближний круг», «Раба любви», «Индиана Джонс» и японского мультфильма «Джек в стране чудес».

Джошу хорошо, как Давиду в тридевятом царстве. С азартом конкистадора предвкушает он, какой роскошный луна-парк для вялых соотечественников можно построить в этой удивительной стране, где даже малыши знают военную тайну и где у свободы недетское злое лицо. Баррели и форели, цирроз и белая горячка, валенки и бабушки, макароны по-флотски и шпионки Ниночки с кобурой в промежности, «колизей метро и рейхстаг Большого театра с тачанкой на фронтоне», небо, взболтанное МиГами, щебет школьниц о цене за раз и за ночь, запах стреляных гильз, помады и параша и прочая спилберговская 1001 ночь. «О Шолохов-Алейхем, о Штайнславский, о Архипелаго-живаго, прощайте, гусяры!» — восторгается Джош, привязанный спиной к пушке, с петлей на шее и часовым взрывателем между ног.

Ему кажется, что все это понарошку, а все это всерьез.

В нужное время в нужном месте оказывается совершенно ненужный человек. Настоящий, а не целлюлоидный американец — каких автор навиделся за четыре стейтсовых года выше крыши Импайр Стейт Билдинга. Вопреки культуристскому мифу времен холодной войны, это по-тинэйджерски одетый костлявый очкарик семитского происхождения, безмерно гордый принадлежностью к нации Рэмбо, коммандо и короля-льва — и оттого шумный,

а в жизни страшно боящийся микробов, нитратов, холестерина и федеральной налоговой службы — и оттого еще более шумный. Единственное, что он умеет, — это бацать на компьютере, весь его шарм — в наивности и пионерском любопытстве. Длинным носом протыкает он холстину с нарисованным Колчаком, куполами, заревами и шпионкой Natashey, которая работала в КГБ, да раскаялась, потому что полюбила.

Ужасы на деле оказываются еще ужасней, а Наташи — еще наташистей, чем ожидалось. В Ботаническом саду чучмекки выращивают мак. По Москве-реке носят стаи пираний, которых разводили для подбрасывания в бассейны конкурентам, а они нашли ход на большую воду. У всех шлох высшее образование, и ни один водитель танка не понимает по-русски. Прострафившихся гэбэшников ссылают резидентами в Пхеньян, цыганская мафия вместо коней угоняет «мерседесы», а домашний электрический стул не работает, потому что курдские сепаратисты штурмуют электростанцию. Под сенью лип гремят автоматные очереди и бродят великие поэты, бубня бессмертные стихи, — Боже мой, как весела наша Россия!

Покидая эту гремучую смесь Клондайка, Сайгона и Бухары с наскипидаренными пятками и в обнимку с любимой Natashey, которую зовут Ольга, Шайнкете

Минувшей зимой двое моих одноклассников опубликовали по детективу. «Ну и что? — скажет пресыщенный лотком читатель. — Я вчера в переходе Вайнера видел».

И будет, как всегда, неправ. Ибо в обеих книжках детективная интрига была лишь фольгой, блестящей оберткой, как и «жгучие» названия — «Русские страхи» и «Операция «Кеннеди». Собкор «Московских новостей» в Нью-Йорке Дмитрий Радывшевский создал ни много ни мало энциклопедию русской жизни глазами американца, о которой тепло отзывался сам Том Клэнси. В то же время собкор «Сегодня» в Тель-Авиве Антон Носик (в соавторстве с Арканом Каривом) сочинил энциклопедию израильской жизни глазами невозвращенца. Ее, в свою очередь, высоко оценил сам Борис Кузьминский.

Перекресток национальных культур в посмодернистский век обернулся Клондайком для двух выпускников школы № 40.

Школа была обычная, английская, в меру плохая — каких в Москве три десятка.

А вот поди ж ты.

Д. Г.

твердо знает: у России два величайших достоинства — дороги и дураки. Только они мешают этой волшебной, удивительной, сказочной стране закидать весь остальной мир бомбами, шапками, стеклотарой и вирусом коммунизма. Не счесть алмазов в ее каменных пещерах, но и скелетов любопытных зарубежных гостей тоже не счесть. И туристский бизнес в эту страну неласковых медведей — это бизнес сверхвысокого риска, но кто не рискует, тот и не ходит в лес.

«Сынок, я из Нью-Йорка!» — отвечают обычно на все предостережения храбрые голливудские старушки.

«Сынки, я из Москвы», — говорит страшному Нью-Йорку собкор «Новостей» Радывшевский, и, расступаясь, дают ему дорогу другие народы и государства. И хуторянки в слезах выносят покусать, и наркомы делятся косячком.

О Русь-тридцатьчетверка, куда несешься ты!